

Каждый калмык должен знать родной язык?

Языковая лояльность сообщества в диахронии¹

1. Языковая лояльность и близкие понятия

Данный текст восходит к идеям Н.Б. Вахтина о субъективном моменте в процессе языкового сдвига и восстановлении языковой компетенции старшего поколения и титульном языке как маркере групповой идентичности. Рассматривая ситуации, возникающие в разных сообществах, Н.Б. Вахтин приходит к выводу, что «по-видимому, единственный ответ на все эти бесчисленные вопросы, единственный «общий знаменатель», под который можно подвести все случаи языкового сдвига, это ответ, кажущийся с виду очень наивным: люди перестают говорить на титульных языках потому, что перестают считать это для себя нужным, - попросту говоря, *потому что не хотят*» (Вахтин 2001: 230).

О субъективном начале в процессе языкового сдвига или сохранения языка написано достаточно много; наиболее известными и влиятельными являются понятия *языковой лояльности, субъективной жизнеспособности языка, отношения к языку*. Они описывают разными методами близкие, но не тождественные сущности. Как правило, тот или иной термин используется для анализа разного материала и эти понятия (и стоящие за ними теоретические представления) не соотносятся между собой.

Субъективная жизнеспособность языка – подход, предполагающий использование определенной методики сбора данных (вопросника субъективной жизнеспособности, дополняющего данные объективной жизнеспособности языка на достаточно представительной выборке). Р. Бури, Х. Жиль и Д. Розенталь – авторы методик описания ситуации языкового сдвига – ввели параметр субъективной жизнеспособности языка и разработали анкету (Subjective Vitality Questionnaire), позволяющую ее оценить [Bourhis, Giles & Rosenthal 1981].

Термин *языковая лояльность* (language loyalty) был введен У. Вайнрайхом для обозначения престижа языка и стремления носителей защищать «чистоту» идиома. Затем

¹ Статья написана при поддержке Научного фонда Государственного университета «Высшая школа экономики», грант № 09-01-0081 «Языковая лояльность группы, конструирование этничности и проблема сохранения миноритарных языков на постсоветском пространстве».

понимание термина существенно расширилось в работах Дж. Фишмана. Языковая лояльность – это поддержка, оказываемая группой идиому или готовность носителей отказаться от него, языковые установки группы, выражающиеся в оценках идиома по таким признакам, как эстетическая ценность, высокий или низкий статус, коммуникативная пригодность и др. Языковая лояльность сообщества может быть и отрицательной, и в рамках прикладных работ по ревитализации исчезающих языков Дж. Фишман и его последователи разрабатывали возможность изменения отрицательной языковой лояльности миноритарных этнических групп, т.е. повышения языковой лояльности [Fishman 1991].

Понимание языковой лояльности в работах Дж. Фишмана предполагает, прежде всего, внимание к осознанной языковой лояльности [Fishman 1989; Fishman, Hornberger, Pütz 2006]. Как правило, следующие этому подходу исследователи рассматривают случаи мобилизованной этничности, в которых языковая лояльность становится значимым фактором в процессе ревитализации языка. Однако следует учитывать, что осознанная языковая лояльность и положительные установки по отношению к титульному идиому не обеспечивают сохранения языка. Лингвистам известны как удачные случаи ревитализации под лозунгами ценности и важности языка (см. некоторые случаи в книге [Fishman 1991] или недавнюю статью о сохранении миноритарных языков в Зимбабве [Nyika 2008]), так и – к сожалению, многочисленные – сообщества, в которых происходит повышение языковой лояльности, однако высказываемые членами сообщества высокие оценки идиома и представления о необходимости поддержки языка расходятся с повседневной практикой выбора языка и не оказывают существенного влияния на процесс сохранения или возрождения языка. Как отмечают Н. Дауэнхауэр и Р. Дауэнхауэр, на вопрос «*Действительно ли мы хотим сохранить язык?*» политически и эмоционально верным будет решительный ответ «да!», но это «да» означает, «что кто-нибудь сохранит язык и культуру для нас» [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 63]. В подобных случаях исследователи отмечают, что в сообществе существует убеждение в ценности титульного языка и консенсус по поводу необходимости его сохранения, однако последствия для языковой ситуации разнятся. Очевидно, что описание языковой лояльности сообщества каким-то образом должно учитывать воздействие на языковую ситуацию; К.В. Викторова предлагает заимствовать термины из социальной психологии и выделяет аффективный и поведенческий компоненты языковых установок [Викторова 2006: 35].

Другая сложность, возникающая при анализе языковой лояльности (помимо неоднозначного соотношения ее с сохранением языка) состоит в том, что осознанная

языковая лояльность представляется только одной стороной процесса субъективного отношения к языку, диктующего представления о необходимости сохранения идиома или отказа от него в пользу другого, более престижного и «красивого» языка. Вне зависимости от степени осознанности лояльности языку любое сообщество обладает системой оценок идиома по таким признакам, как эстетическая ценность, высокий или низкий статус, коммуникативная пригодность и пр. Для описания ситуаций, не связанных с мобилизованной этничностью, используется понятие *отношение к языку* (language attitude). Этот термин имеет достаточно расплывчатое значение; как отмечается в работе [Agheyisi, Fishman 1970: 137], концепт «отношение» почти каждый исследователь трактует по-своему; см. некоторые определения в работе [Baker 1992]. Общее для различных подходов к language attitude – использование экспериментальной методики «парных масок» («matched guise»), разработанной У. Ламбертом [Lambert 1967]. В работах по изучению отношения к языку, как правило, не учитывается языковой выбор носителей и успешность сохранения языка. Таким образом, количественные данные об отношении к языку и материалы о языковой лояльности, доступные из интервью или публицистики активистов движения за возрождения языка, не вполне соотносимы друг с другом.

Ниже я хотела бы рассмотреть различные проявления субъективного отношения к языку на примере одного сообщества – калмыков. Переломным моментом для развития калмыцкого языка стала депортация калмыков в 1943 г. и пребывание в Сибири до реабилитации группы в 1956 г. С этими трагическими обстоятельствами связано начало языкового сдвига, продолжающегося и сейчас; эти обстоятельства повлияли и на ЯЛ группы. Ниже рассматривается ЯЛ калмыков в диахронии (в период после возвращения из Сибири в 1957 г. до настоящего времени) в соотношении с процессом языкового сдвига и этнической идентичности сообщества

Я буду пользоваться термином *языковая лояльность* (далее – ЯЛ), поскольку он не связан с определенными количественными методиками (в отличие от *субъективной жизнеспособности языка* или *отношения к языку*) и предполагает использование широкого круга материалов (интервью, анализ этнической периодики и др.). Другая важная особенность этого термина – включенность в проблематику сохранения и возрождения миноритарных языков. Ниже ЯЛ понимается достаточно широко и в круг рассматриваемых явлений включаются не только прямые оценки идиома, но и высказывания, комментирующие необходимость или необязательность сохранения родного языка и мотивировки индивидуального языкового выбора. Как ЯЛ соотносится с фактическим сохранением языка

и этнической идентичностью группы и различаются ли по этим параметрам осознанная и неактуализированная ЯЛ? Возможно ли описать это явление с помощью одного понятия или следует разграничить эти виды языковой лояльности в зависимости от влияния на языковую ситуацию?

Проблема языковой лояльности особенно существенна в случае сообществ, имеющих (потенциально) конфликтную идентичность². По умолчанию лингвисты предполагают, что в «нормальных» случаях билингвизма лояльность родному языку достаточно высокая, а негативная ЯЛ группы может быть объяснена неблагоприятными социальными условиями, неравенством групп, прессингом со стороны властей и подобными факторами. Представления о своем языке постоянно меняются под влиянием контактов с другими группами и идиомами. Часть сообщества (например, его интеллектуальная элита), возможно, стремится поднять престиж языка, в то время как среди простых носителей лояльность языку будет достаточно низкой. Проанализировать влияние различных акторов на ЯЛ сложно, но можно рассмотреть процесс формирования и изменения языковых установок сообщества.

2. Депортация калмыков в Сибирь и возвращение в Калмыкию

В декабре 1943 г. по обвинению в измене Родине и коллаборационизме калмыки подверглись тотальному выселению в Сибирь (Новосибирскую область, Красноярский и Алтайский края). Невыносимые условия переселения, непривычный климат и голод привели к гибели тысяч калмыков (было выслано около 120 тысяч человек, а вернулось менее 78 тысяч). В период с 1943 по 1957 гг. языковая политика была направлена на исключение калмыков и калмыцкого языка из социальной жизни (в частности, калмыцкие топонимы были заменены русскоязычными названиями; например, город *Элиста* с 1944 по 1957 г. назывался *Степной*). Ограничение правового положения калмыков прекратилось после Указов Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 17 марта 1956 г. и «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР на основе прежней территории в границах Ставропольского края» от 9 января 1957 г. В 1957-58 гг. большая часть калмыков вернулась из Сибири в восстановленную Калмыцкую АССР.

Я не рассматриваю здесь подробно процесс утраты калмыцкого языка (см. реконструкцию языковой ситуации в Сибири по воспоминания информантов в [Baranova

² Например, в статье [Komondouros, McEntee-Atalianis 2007] рассматривается ЯЛ билингвального (турецко- и грекоязычного) греческого православного сообщества в Стамбуле.

2009] и описание современного положения идиома в [Баранова 2009]); отмечу лишь, что существенное сокращение численности группы, тяжелые бытовые условия, отсутствие языковой среды в Сибири (в результате дисперсного расселения перемещенных лиц и многочисленных случаев сиротства) привели к появлению калмыков, не владеющих родным языком или знающих его лишь отчасти. Несмотря на подобные неблагоприятные условия языковой сдвиг замедлился, как только появилась возможность физического выживания группы в последние годы пребывания в Сибири и после реабилитации и возвращения в Калмыкию.

Сохранение калмыцкого языка в условиях депортации невозможно объяснить без учета субъективных факторов жизнеспособности идиома. Многие люди, не выучившие калмыцкий язык из-за трагических обстоятельств, стремились компенсировать это, как только оказались в Калмыкии. Следует отметить чрезвычайно активное отношение к языку, проявляющееся как на уровне индивидуальных стратегий, так и в жизни всего сообщества. Приведу два примера. Калмычка А. (1935, родилась в Ергенинском), осиротевшая по дороге в Сибирь, оказалась в 8 лет в детском доме, где выучила русский и забыла калмыцкий язык. В 19 лет она вернулась к родственникам-калмыкам. По ее словам, она испытывала дискомфорт из-за незнания языка, а родственники-калмыки ждали от нее, что она освоит калмыцкий язык, и А. целенаправленно изучала калмыцкий как второй язык:

Я среди русских жила с малых лет, в детдоме, поэтому я приехала домой — сестра меня забрала — ни а, ни бе не знала. Вот по пять слов писала сама — сама училась. <— И специально записывали?> Ну конечно. По одиночке слова записывала — а после уже само по себе приходит. Как предложение, как обращаться к людям. Записывала и каждый день учила. Потому что приходят бабушки, между собой разговаривают — я не понимаю, а я же типичная калмычка. Их переспрашивать — они по-русски не знают. В общем, в какой-то момент мне очень тяжело было, понимаешь? По-русски они не понимают, по-калмыцки я не понимаю. Ну, я решила сама учиться. Вот я и выучила (ж, 1935, родилась в Ергенинском)³.

Язык А. несколько отличается от языка ее сверстников, она использует достаточно много синтаксических моделей, заимствованных из русского языка, но в поселке Ергенинский все признают ее полноценным носителем калмыцкого, а с другими пожилыми

³ Я хотела бы поблагодарить моих информантов – калмыков из поселков Ергенинский, Шин-Мер и Тугтун Кетченеровского района Калмыкии и в г. Элиста, где в 2006-2008 гг. проходили интервью. В скобках указаны пол, год рождения, место записи и место рождения информанта (в тех случаях, когда они не совпадают).

калмыками А. говорит преимущественно на калмыцком языке⁴. Другой пример — история Р., которая родилась в 1942 г. в городе Элиста, но с 1943 г. жила в одном из поселков Тюменской области, где не было калмыцкой языковой среды; в 1949 г. переехала в Тюмень и среди других детей спецпоселенцев выучила калмыцкий, однако потом семья оказалась на золотых приисках в Красноярском крае, Р. снова забыла калмыцкий язык, и выучила его уже во взрослом возрасте в Калмыкии в университете; сейчас Р. — один из ведущих специалистов по калмыцкому языку.

Незнание калмыцкого языка было свойственно не только детям, оставшимся без родителей. Как отмечает Э.-Б. Гучинова, многие «сибирские» дети вспоминали, что домашним языком в их семье был русский, а калмыцким языком пользовались родители для своих разговоров. «Известный в республике деятель культуры Клара Сельвина вспоминала, что до поступления в 1958 г. в театральный институт она ни слова, ни полслова по-калмыцки не знала. Многие калмыки, выросшие в Сибири, говорили на родном языке уже не так свободно, как их родители, и бесспорно русский язык они использовали в своей жизни активнее» [Гучинова 2005]. Среди моих информантов 1940-1950-х гг. рождения, особенно среди тех, кто после реабилитации жили в Элисте, а не в поселках, также встречаются подобные случаи не восстановленной компетенции в калмыцком языке,⁵ однако во многих семьях произошел возврат к калмыцкому языку после реабилитации и возвращения в родные поселки. По воспоминаниям информантов, родившихся в Сибири, использование преимущественно русского языка там и переход на калмыцкий в Калмыкии было достаточно распространенной моделью. Как правило, дети легко усваивали (или вспоминали) калмыцкий, как только в семье с ними начинали говорить на этом языке, и появлялись калмыкоязычные сверстники. Например, информантка К. (родилась в Алтайском крае) вспоминала, что до приезда в начале 1960-х гг. в поселок Шин-Мер плохо знала калмыцкий, отвечала родителям на русском, но быстро выучила титульный язык среди других детей.

Таким образом, в конце 1950 – 1960-х гг. калмыцкий во многих семьях восстанавливает функцию языка межпоколенного общения (и, возможно, некоторые другие),

⁴ Сейчас у нее просто нет другого выбора, поскольку в сообществе действуют описанные Н.Б. Вахтиным представления о том, что старики говорят на родном языке [Вахтин 2001а: 278-279].

⁵ В сообществе существует возрастной континуум компетенции носителей (от «полноценных» пожилых носителей к детям, не владеющим языком), однако на рожденное в Сибири поколение приходится «сбой» и нередко молодые члены семьи владеют языком лучше, чем их родственники 1940-1950 гг. рождения (но и те и другие говорят по-калмыцки хуже, чем родившиеся в 1920-30 гг.).

а компетенция молодых калмыков в титульном идиоме увеличивается. Этому способствовала появившаяся возможность компактного расселения, общее изменение языковой ситуации и языковой политики, и, не в последнюю очередь, активное отношение к изучению (или «вспоминанию») языка среди молодых калмыков. Такое активное восстановление языка свидетельствует о достаточно высокой языковой лояльности группы в целом и, в частности, молодого поколения; очевидно, что знание калмыцкого языка в этот момент было необходимо сообществу. Чем мотивировалась эта необходимость и как ЯЛ калмыков соотносилась с дискурсом о калмыцком языке? Хотя воспоминания носителей неизбежно субъективны и на них влияют современные представления о калмыцком языке, интервью отчасти воспроизводят неофициальный дискурс этого периода. Как видно из приведенного выше фрагмента, А. объясняет свое стремление выучить калмыцкий инструментально – необходимостью понимать язык пожилых. Она не указывает на такие основания как *особая ценность* или *красота* калмыцкого языка, не упоминает эмоциональной связи с идиомом. Напротив, она полуслушья называет своим родным языком русский:

– *У нас тут калмыки по-русски разговаривают.*

– *Но вот вы выучили.*

– *Но я одна, я среди калмыков попала – они не знают моего языка, русского.*

– *А ваш уже родной был русский?*

– *Ну, за 10 лет-то я забыла (калмыцкий. – В.Б.) (ж, 1935, родилась в Ергенинском).*

После возвращения из Сибири в сообществе актуализировалась этническая идентичность и выработались механизмы приостановления языкового сдвига и улучшения компетенции отдельных носителей. Если у детей «вспоминание» языка в кругу сверстников происходило «само собой», то от взрослых калмыков восстановление утраченной языковой компетенции (или изучение нового языка) требовало сознательных усилий. В сообществе были представлены активное отношение к языку и приверженность идиому, однако, по-видимому, отсутствовал дискурс осознанной языковой лояльности.

Постепенный языковой сдвиг в период 1970-1980-ых гг.

После возвращения калмыков из Сибири языковой сдвиг замедлился, но не остановился. Дальнейшие этапы утраты языка связаны с постепенным снижением в период 1960–1980 гг. престижа калмыцкого языка. Переход на доминирующий русский язык быстрее проходил в городе и крупных поселках, поэтому за калмыцким языком закрепился статус «колхозного» или «деревенского языка».

Эти городские они там два процента, наверное, разговаривают. А тогда, в те времена, мы отсюда поедem – на нас смотрят... мы разговариваем, из села приехали, - на нас смотрели так – «у, деревня». А сейчас по башке бьют себя, возрождают язык. А мы тогда – ну что нам, 17 лет пацанам было – мы как-то тушевались, сразу замолкали. А сейчас вот это нынешнее поколение – да, вот мы из Кетченера, на калмыцком своем будем (м, 1957, Ергенинский, родился в Сибири).

Изменялись и нормы использования языка: во многих семьях перешли на русский язык и, следовательно, дети не овладели калмыцким. Хотя идиом преподавался в школе, это преподавание было максимально формальным и не способствовало повышению ЯЛ молодых членов сообщества:

Я заканчивала школу в Элисте в 1978. Большая часть калмыков класса почти не говорила по-калмыцки. Но в тот год учитывался средний балл аттестата, поэтому все полукровки, кто все же писался «русский», на калмыцкий не ходили, но и собственно калмыки, чьи родители понимали, что детям нужно помочь, они легко договаривались с дирекцией, и в аттестате у них был прочерк. Надо сказать, общественное мнение это не осуждало, было понятно, что нельзя с детей требовать больше, чем они могут (ж, 1961, родилась в Элисте).

И вот как я заканчивал (школу. – В.Б.), у нас была хорошая учительница по калмыцкому языку, добрая тетка. Кому что надо? Кто не поступать – тому тройки, кто поступать – тому четверки. Пятерок никому не поставила (м, 1963, Элиста).

В.И. Беликов и Л.П. Крысин, анализируя данные переписей по Калмыцкой АССР, обращают внимание на то, что люди в течение жизни меняют ответ на вопрос о родном языке в зависимости от изменения престижа того или иного идиомов. В последепортационный период наблюдалось постепенное снижение среди калмыков всех возрастов числа людей, признающих родным язык своей группы [Беликов, Крысин 2001: 410]. ЯЛ сообщества в этот период снижается, а от детей не требуют владения титульным языком (ср. выше: *нельзя с детей требовать больше, чем они могут*). Нет данных, позволяющих судить о дискурсе о калмыцком языке в этот период.

Осознанная языковая лояльность в 1990–2000-е гг.

В конце 1980-х годов в публичном дискурсе появляется интерес к сохранению этнической культуры и преподаванию калмыцкого языка (дискуссии в сообществе о роли уроков родного языка, формах проведения, программах и т.д.). Знание языка сегодня воспринимается как символический капитал индивида, и молодые калмыки, владеющие

титულным идиомом, обычно демонстрируют свои возможности (ср. приведенное выше высказывание: *А мы тогда – ну что нам, 17 лет пацанам было – мы как-то тушевались, сразу замолкали. А сейчас вот это нынешнее поколение – да, вот мы из Кетченера, на калмыцком своем будем* – м, 1957, Ергенинский, родился в Сибири).

На сегодняшний день уровень осознанности этничности среди калмыков чрезвычайно высок и язык воспринимается как существенная часть идентичности, однако требования к языковому поведению изменились. Сообщество не требует знания родного языка от большинства членов; использование калмыцкого признается обязательным лишь для живущих в поселках стариков. Многие молодые калмыки в деревне или жители города по умолчанию используют русский язык. Лишь отдельные представители интеллигенции стремятся последовательно использовать калмыцкий язык.

Ну, а какая надобность у нас в Калмыкии знать свой язык? Мы им не пользуемся, он официально... ну, что, если бы это был язык официального общения, там в канцелярии... Мы пишем заявления на русском, общаемся на русском... вот если бы президент вышел и начал говорить на калмыцком – все чиновники кинулись бы учить калмыцкий. (..) Услышать калмыцкую речь – редкость. Даже у нас пожилые люди идут – она будет плохо говорить по-русски, но по-русски! Я вот со стариками всегда говорю по-калмыцки, но часто я наблюдаю, что они отвечают мне по-русски, и даже смотрят удивленно... (м, около 50 лет, г. Элиста, родился в Малодербетовском районе, филолог-калмыковед).

Использование языка в качестве символа идентичности группы само по себе не предполагает изменения языковой ситуации и сохранения языка. Как показал на примере марковского говора Н.Б. Вахтин, идиом может выполнять функцию маркера групповой идентичности и в том случае, когда коммуникативная функция утрачена, и, с точки зрения внешнего наблюдателя, языка не существует [Вахтин 2001б]. Для многих калмыков, не владеющих титульным языком, калмыцкий символизирует их этничность. В статье, написанной по следам переписи населения 2002 г, отмечается, что плохо владеющие калмыцким респонденты колебались в выборе ответа на вопрос о родном языке, однако, как правило, выбирали все-таки калмыцкий. "Калмычка Э. считает, что родной язык – это язык, на котором человек думает. Как и ее родители калмыки, она калмыцким не владеет и, следовательно, не думает на нем. Но переписчику назвала родным языком все-таки калмыцкий. Почему? По ее словам, из чувства солидарности со своим народом" [Волгин, Кингкейд 2003].

Существующий дискурс о необходимости сохранения языка оказывает влияние на представления носителей: многие информанты отмечали, что в последние годы незнание титульного языка вызывает дискомфорт (хотя в большинстве случаев это чувство не приводит к изучению языка).

Сейчас, видите, такое время настало – люди хотят знать свой язык как-то. Потом, честно сказать, стыдно, когда ты свой язык хорошо не знаешь, когда разговариваешь, с людьми, которые действительно хорошо говорят (м, 1949, Ергенинский, родился в Сибири).

Обсуждение будущего калмыцкого языка особенно характерно для молодых или средних лет образованных калмыков. На форуме «Элиста» (elista.org/forums > Комьюнити > Говорим по-калмыцки) и «Калмыкия» (<http://forum.kalmykia.ru>) высказывания о родном языке чрезвычайно эмоциональны:

Ведь язык это душа народа, и потеря языка – это наша общая страшная трагедия (Rabin).

Как правило, в подобных дискуссиях (а сходные проблемы обсуждаются в нескольких темах на форумах «Элиста» и «Калмыкия») участник, предлагающий практическое решение проблемы – говорить с детьми на родном языке или пойти на курсы – не бывает поддержан. Высказывания участников дискуссии в основном демонстрируют конфликтную идентичность. Во многих сообщениях подчеркивается чувство вины и стыда, возникающих в связи с утратой языка:

Без калмыцкого языка мы не вправе называть себя калмыками, думаю многие согласятся с этим. К своему великому стыду и даже горю, я не знаю его так как обязана знать и оправдания (депортация, европизация и т.д.) я не ищу себе. Я не знаю и это ПОЗОР. Калмыцкий язык не просто нужен, он необходим. И очень хочется верить, что каждый калмык на этой планете все-таки будет стремиться возродить его (foxy_kawai).

Однако некоторые участники дискуссии возражают против подобной позиции и навязываемого комплекса вины:

Это ненормально. Я хочу знать свой язык, но сейчас у меня нет времени и возможности его учить. У меня нет языковой среды, где все говорили бы по-калмыцки. И таких как я много. Что же теперь, пол-Калмыкии русскими называть? Обычаи я знаю от моей ээжи, родителей, сестры, мужа, родственников (Chewbacca).

На форумах, в высказываниях активистов этнического возрождения и в публицистике сегодня можно наблюдать повышение и осознание ЯЛ. Отправной точкой усиления ЯЛ служит переживание потери языка, несколько преувеличенная драматизация проблемы.

Сообщество (в лице активной части интеллигенции) словно «запугивает» себя, чтобы осознать, насколько невозполнимой может быть утрата, и прочувствовать ценность идиома.

Заключение. Два типа ЯЛ

Помимо осознанной ЯЛ, для описания которой и применяется данный термин, существует, как видно из истории калмыцкого языка, неэксплицированная ЯЛ.

Неактуализированная или неэксплицированная ЯЛ, хотя и не проявляется в дискурсе напрямую, существует в сообществе в качестве несистематизированных представлений о языке и влияет на языковое поведение носителей. Этот тип лояльности (ЯЛ-1) связан с проблематикой сохранения языка в условиях языкового сдвига.

Осознанная языковая лояльность (ЯЛ-2) – плод деятельности элит и ее появление часто связано с осознанием угрозы исчезновения языка, хотя ЯЛ-2 не приводит напрямую к консолидации усилий по сохранению языка или приводит лишь в отдельных случаях. ЯЛ-2 связана с процессом утраты языка и нередко появляется в ситуациях далеко зашедшего языкового сдвига, но, как мне кажется, является и частью иного процесса – ревитализации или возрождения языка. Это не значит, что язык полностью исчез (ср. замечания Н.Б. Вахтина о сложностях в определении момента языковой смерти), но, как правило, идиом крайне ограниченно используется в сообществе, утрачивает коммуникативную функцию. Активисты восстановления языка нередко не владеют идиомом и/или выучивают его во взрослом возрасте (и в силу этого их компетенция в титульном языке неполна; нередко они владеют лишь письменной формой языка). Однако именно они осознают, что утратили родной язык, и стремятся – по мере сил – компенсировать исчезновение, изучая титульный идиом и/или «популяризируя» его, т.е. повышая осознанную ЯЛ сообщества.

В обоих случаях ЯЛ тесно связана с этнической идентичностью индивида. В случае осознанной ЯЛ эта связь достаточно очевидна – язык выступает одним из маркеров групповой идентичности, однако неактуализированная ЯЛ также влияет на этничность. Знание языка определяет чувство принадлежности к группе во многих сообществах. Например, для носителей языка кадзунского языка (Cajun) верно следующее: чем лучше индивид владеет языком, тем сильнее его самоидентификация как каджуна [Dubois, Melançon 1997]. Даже в тех случаях, когда язык не считается существенным признаком принадлежности к сообществу, владение языком влияет на самоидентификацию индивида. Как показывает Р. Хоаре, в прямых высказываниях о своей идентичности носители бретонского языка склонны скорее определять ее в терминах места рождения или

происхождения родителей, нежели отсылая к языку, на котором они говорят, однако существует статистически достоверная положительная корреляция между утвердительными ответами на вопросы о том, ощущает ли респондент себя бретонцем, и знанием языка [Hoare 2001: 77–79], то есть владение родным языком подкрепляет *чувство принадлежности* к группе, несмотря на отсутствие в сообществе убеждения, что это необходимо.

Хотя описанные случаи языковой лояльности (неэксплицированной и осознанной) имеют много общего, и первая часто переходит во вторую, мне кажется, их следует различать и изучать разными методами. Исследователю проще иметь дело с осознанной языковой лояльностью, поскольку языковые установки в этом случае легко эксплицируются в интервью или даже представлены в виде набора деклараций до начала исследования. Неактуализированная ЯЛ также может быть сформулирована в интервью, однако гораздо выше риск спровоцировать информанта вопросами из анкеты. В идеальном случае данные ЯЛ должны, по-видимому, извлекаться из биографических интервью и анализа языкового поведения носителей идиома.

Литература

Баранова В. В. Языковая ситуация в Калмыкии: Социолингвистический очерк // Acta Linguistica Petropolitana. Том V. Часть 2: Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб.: Наука, 2009. С. 22–43.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001.

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001а.

Вахтин Н. Б. «Языковая смерть» в функциональном аспекте: особенности функционирования марковского говора // Труды факультета этнологии. Вып. 1 / Ред. А.К. Байбурин. СПб., 2001б. С. 272–291.

Викторова К. В. Языковые изменения в процессе языкового сдвига (на материале малоянисольского диалекта румейского языка). Диссертация... канд. филол. наук. СПб: СПбГУ, 2006.

Волгин В., Кингкейд В. Вопросы о гражданстве, национальности и языке: общее и особенное в ответах населения Калмыкии // Этнография переписи. М., 2003 <<http://www.eawarn.ru/pub/EthnoCensus>>.

Гучинова Э.Б. Помнить нельзя забыть: Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: ibidem-Verlag, 2005. Доступно на:

http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/knigi/pomnit_nel.html

Agheyisi R., Fishman J.A. Language attitude studies: A brief survey of methodological approaches // *Anthropological Linguistics*. 1970. No. 12. P. 137–157.

Baker C. *Attitudes and Language*. Clevedon: Multilingual Matters, 1992.

Baranova V. Memory of Deportation and Language Identity in Kalmykia // *Endangered Languages and History*. Proceedings of the Thirteenth FEL Conference (24-26 September 2009) / H. Elnazarov and N. Ostler (eds.). Khorog; London: FEL, 2009. P. 67–71.

Bourhis R., Giles H., Rosenthal D. Notes on the construction of 'a subjective vitality questionnaire' for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 2. No. 2. 1981. P. 145–155.

Dauenhauer N.M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from Southeast Alaska // L. A. Grenoble, L.J. Whaley (eds.), *Endangered Languages: Language loss and community response*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 57–98.

Dubois S., Melançon M. Cajun is Dead — Long Live Cajun: Shifting from a linguistic to a cultural community // *Journal of Sociolinguistics*. 1997. Vol. 1. No. 1. P. 63–93.

Fishman J. A. Puerto Rican Intellectuals in New York: Some intragroup and intergroup contrasts / *Fishman J. A. Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective*. Clevedon; Philadelphia: Multilingual Matters Ltd, 1989. P. 485–497.

Fishman J. A. *Reversing Language Shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon; Philadelphia: Multilingual Matters Ltd, 1991.

Hoare R. An integrative approach to language attitudes and identity in Brittany // *Journal of Sociolinguistics*. 2001. Vol. 5. No. 1. P. 73–84.

Komondouros M., McEntee-Atalianis L. Language Attitudes, Shift and the Ethnolinguistic Vitality of the Greek Orthodox Community in Istanbul // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 28. No. 5. 2007. P. 365–394.

Lambert W. A Social Psychology of Bilingualism // *Journal of Social Issues*. 1967. Vol. 23. No. 2. P. 91–109.

Nyika N. 'Our languages are equally important': Struggles for the revitalisation of the minority languages in Zimbabwe // *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*. Volume 26. Issue 4. December 2008. P. 457–470.